Струна здравомыслия лопнула в этот момент, и любые отговорки были отметены. Он даже вспомнил свою мать недобрым словом.

Как зверь, который был возбужден, он инстинктивно перевернулся и прижал ее к себе. Он схватил ее руки, крепко сжал их, и поднял над ее головой.

Поцеловать ее. Он мог думать только о том, чтобы поцеловать ее.

Он хотел съесть ее, почувствовать ее аромат, все, что у нее было.

Его женщина. Он уже давно думал о ней.

Он не знал, как долго мечты кружили его голову, пока не услышал ее голос.

И Цзэянь очнулся от своих грез, и только тогда он понял, что делал. Он поспешно взглянул на нее, но увидел, что она только нахмурилась, как будто ей было немного неловко.

Он испугался, что она может сейчас проснуться, поэтому сразу же отпустил ее.

Сев на край кровати, он замер и задумался.

Что же он сделал?

И Цзэянь чувствовал себя животным.

Он не мог поверить, что проделывал все это с ней, когда она спала.

Он снова посмотрел на спящую рядом женщину, которая разбудила в нем зверя. Это было отвратительно. Однако ему не хотелось наказывать ее, и единственное, что он мог сделать — это наказать самого себя.

В данный момент он ничего не мог сделать, кроме как сдерживаться.

И Цзэянь немного подвинулся на кровати и держался от нее подальше. Он боялся, что, если будет слишком близко к ней, это приведет к очередному пробуждению зверя внутри. Однако, как бы он ни старался отдалиться от нее, это все равно было невозможно. Ее тень, ее запах были повсюду. Она шептала и просила съесть желе своим очаровательным голосом, со своим сладким языком и мягким телом.

Это было безумие.

И Цзэянь больше не мог выносить эту пытку, поэтому он встал и вышел на улицу. На балконе никого не было, и он стоял там один у края ограждения. Дул ночной ветер, и прохладный воздух омывал все его тело, и раздражающее ощущение жара и сухости, которое он чувствовал, когда был в комнате — пропало.

Он достал сигарету и закурил. Внезапно он услышал позади себя шаги, но, обнаружив, что это не она, не стал оборачиваться.

— Уже так поздно, а ты все еще не спишь. Тебя ведь не выгнала твоя маленькая женушка, правда?

Лу Вэньцянь шагнула вперед и посмотрела на него игривыми глазами, слегка приподняв подбородок. В данный момент И Цзэянь был одет только в халат. Полы халата были широко распахнуты, и ремень был свободно завязан вокруг него, открывая его напряженную шею, сильную грудь и его выдающиеся мышцы живота.

Глаза Лу Вэньцянь непроизвольно скользнули по нему, и, когда она осознала реальность, она отвела глаза почти в панике.

И Цзэянь повернулся, чтобы посмотреть на нее. Его рот был изогнут, а глаза слегка прищурены. Казалось, он улыбается, но это было не так. Это была такая улыбка, которая скрывала его настоящие эмоции от людей.

— Уже так поздно, но ты все еще не спишь. Что ты здесь делаешь?

Лу Вэньцянь обняла себя и тихо промурлыкала:

— Я не могла заснуть, поэтому хотела прогуляться, когда увидела, что ты стоишь здесь один. Поэтому я решила прийти и посмотреть, — она приподняла брови и сказала тихим голосом: — Посмотри на себя. Как грустно стоять здесь в одиночестве. Эта большая мисс определенно может сопровождать тебя некоторое время, если ты не возражаешь.

— А? А как бы ты меня сопровождала?

Лу Вэньцянь медленно приблизилась к нему, затем протянула руку и провела пальцем по его халату.

— Мы действительно росли вместе и чуть не поженились, — медленно проговорила она. Ее палец скользнул к его поясу, и как только она коснется узла, его пояс можно будет развязать.

Однако, прежде чем она смогла пошевелиться, она почувствовала острую боль в запястье. Сила И Цзэяня была ужасной, как будто он мог раздавить ее кости в следующий момент.

Лю Вэньцянь страдала от боли и сердито сказала:

— И Цзэянь, отпусти меня! Почему ты хочешь сломать мне руку? Ты мужчина, неужели у тебя так мало сострадания к женщине?

И Цзэянь медленно потушил окурок сигареты, затем грациозно улыбнулся:

— Поскольку мы выросли вместе, то ты должна знать, что я не тот человек, который будет проявлять сострадание к женщине, — затем его взгляд упал на нее. Его манеры были спокойны и элегантны, но сила его рук не уменьшалась, показывая его жестокость.

После того, как он произнес свои слова предупреждения, он внезапно протянул ногу к ее колену и сильно ударил ее. Лу Вэньцянь почувствовала сильную боль и упала на колени.

Он посмотрел на нее сверху вниз:

— Ты должна была поклониться ей на коленях. Но теперь, когда она спит, я займу ее место.

Эта поза заставила Лу Вэньцянь почувствовать себя оскорбленной, и она сердито выругалась:

— И Цзэянь, ты даже ударил женщину! Ты просто засранец! Неблагодарный ублюдок! Если бы не мой отец, ты был бы здесь сегодня?

На И Цзэяня это никак не повлияло. Все еще такой же элегантный и уравновешенный, он сказал ей:

— Не забывай, что это собственность семьи И, а не семьи Лу. Кроме того, цени усилия своего отца. На твоем месте, я бы научился немного сдерживать свой характер.

С этими словами он отпустил ее и отвернулся.

Вместо того чтобы вернуться в свою комнату, он отправился прямо в винодельню и немного полежал. На рассвете он немедленно встал, чтобы подготовиться к встрече.

В конференц-зале уже собралось много людей. И Цзэянь был одет в костюм и галстук, и весь его вид излучал простоту и работоспособность. Даже если он плохо спал прошлой ночью, на следующий день он все еще был в приподнятом настроении. Это было качество, которым должен обладать лидер.

Он сел и объявил о начале собрания. Некоторое время никто не осмеливался заговорить. Чэн Бо долго следовал за ним. В конце концов, только он мог говорить то, что другие не

осмеливались произнести.

— Цзэянь, как ты думаешь, план ИИ, о котором ты говорил, можно отложить на некоторое время? Я знаю твое мнение, но если винодельня будет работать в этом направлении, то многие люди будут уволены, включая всех старых сотрудников. Они посвятили нам почти всю свою жизнь. Мы не можем позволить другим людям говорить, что наша винодельня — это место без человеческих чувств.

И Цзэянь положил руки на стол. Он огляделся и спросил:

— Вы все тоже так думаете?

Эти люди отвечали за винодельню. Следовало ожидать, что Чэн Бо и они разделяли одни и те же чувства.

И Цзэянь добавил:

— Тогда скажите мне, можете ли вы принести пользу компании, уделяя внимание человеческим чувствам?

На этот раз никто не осмелился заговорить.

— ИИ — это главная тенденция в современном мире так же, как мы вводили в эксплуатацию машины в эпоху индустриализации. Если бы мы настаивали на человеческих чувствах наша компания все еще использовала бы ручную работу вместо механизации, и для Yicheng Group абсолютно невозможно было бы добраться туда, где она находится сегодня. Мало того, мы были бы уничтожены миром и, под давлением других компаний, были бы раздроблены на многие маленькие винодельни. Сегодня эра искусственного интеллекта похожа на индустриальный век. Если мы не будем на шаг впереди, то через несколько лет нас уничтожат. Я знаю, что у вас и у работников винодельни есть чувства, и, если ИИ будет введен в эксплуатацию, это неизбежно, что многие люди будут уволены. Также, как и когда наступила индустриальная эпоха, многие люди должны были потерять работу, и они не могли этого принять. Но это не то, о чем я думаю, и это не то, о чем вам следует думать. Вы должны быть похожи на меня, думая о том, как сделать компанию лучше. Как создать больше прибыли в наше время. Это то отношение, которое должен иметь предприниматель.

И Цзэянь снова огляделся:

— Итак, у вас есть еще что-нибудь сказать?

Никто не ответил. Он посмотрел на Чэн Бо, который покачал головой, показывая, что ему нечего сказать.

После встречи И Цзэянь сел в машину. Он лениво откинулся на спинку сиденья, скрестив ноги и положив правую руку на колено. Он спросил Хо И:

— Ты думаешь, что я хладнокровный и бессердечный человек?

— Президент не является хладнокровным и бессердечным человеком. Просто не все смотрят на общую ситуацию так, как это делает президент.

И Цзэянь откинул голову на спинку сиденья и томным тоном произнес:

— Десять миллионов больших особняков, приютивших всех бедных ученых под небесами. Таково отношение святых, а я не святой.

Хо И молчал. На самом деле он хотел сказать, что президент был святым для своей жены.

Как бы сильно не ненавидела его жена, как бы не обижала, как бы не хотела убежать от него, он все равно хотел, чтобы она оставалась рядом.

Рядом с женой уравновешенный и рассудительный президент, казалось, утрачивал свой обычный настрой.

Однако Хо И ничего этого не сказал.

***

Когда Линь Цинцин проснулась, она обнаружила, что была на кровати одна. Подушки рядом с ней были аккуратно сложены, и казалось, что на них никто не спал.

«Неужели он не вернулся спать прошлой ночью, или он спал где-то еще?»

Ни Чжан Шуси, ни И Цзэяня не было дома, и ей было скучно оставаться одной с Сяо Юанем. К счастью, экономка сказала ей, что поблизости есть древний город, который она может посетить. Она взяла с собой Сяо Юаня, и они отправились на разведку.

Древний город был довольно большим. На городской стене висели красные фонари, что создавало очень праздничную атмосферу. По обеим сторонам не очень широкой улицы из голубых плит располагалось множество маленьких переполненных магазинов. Одни продавали антиквариат, другие — еду. Конечно, большинство этих заведений продавало еду.

У входа на улицу древнего города была лавка, где продавали жареные кроличьи ножки, которые пекли так нежно, что издалека чувствовался их аромат. Сяо Юань, будучи маленьким

ребенком, не мог сдвинуться с места, когда увидел вкусную еду. Линь Цинцин сказала ему:

— Ты хочешь, чтобы мама купила тебе ее?

Ему явно ужасно хотелось есть, но он только облизнул губы и покачал головой.

— Папа не разрешает мне есть такую еду. Он говорит, что я не могу есть случайную пищу, пока не выпадут молочные зубы.

Линь Цинцин: «…»

Отец Сяо Юаня был человеком принципа. Естественно, Сяо Юаня тоже учили быть очень принципиальным. Хотя он хотел есть, он не позволил Линь Цинцин купить еду для него.

Она немного расстроилась, но ничего не сказала.

Сегодня не было ни праздника, ни выходных. И на улице было всего несколько человек, поэтому, когда Линь Цинцин проходила у витрины магазина, она отчетливо услышала, как кто-то окликнул ее.

Она повернула голову и увидела, что это Лу Сююань.

Он выходил из кофейни. Увидев их, он подошел, улыбнулся и сказал:

— Вы здесь на прогулке?

Линь Цинцин ответила:

— Да. Было скучно сидеть дома, поэтому мы вышли, чтобы немного осмотреть достопримечательности.

Лу Сююань был очень воодушевлен:

— Вы здесь впервые и не знакомы с этим местом. Вам нужно, чтобы я был вашим гидом?

Линь Цинцин и Лу Вэньцянь только вчера вечером подняли такой шум. Сегодня брат Лу Вэньцянь хотел быть ее гидом.

Естественно, она неизбежно почувствовала бы неловкость, поэтому вежливо отказалась:

— Нет, спасибо. Я просто прогуливаюсь.

Лу Сююань больше не настаивал на этом. Вместо этого он посмотрел в сторону цветочного магазина неподалеку и, казалось, о чем-то задумался. Затем он добавил:

— Цинцин, подожди минутку.

Линь Цинцин не знала почему он это сказал, но она увидела, как он внезапно побежал к цветочнику, чтобы купить букет цветов, а затем подошел и вручил его ей.

Линь Цинцин была озадачена: «???»

Он увидел ее сомнения и объяснил:

— Я сожалею о случившимся вчера. Это мое извинение. Я надеюсь, что ты примешь его.

У Лу Сююаня было искреннее лицо, но извинения с цветами всегда заставляли людей чувствовать себя странно.

— Вчерашний инцидент закончился, и я не хочу больше на нем останавливаться. Тебе не нужно быть таким вежливым.

Он выглядел несколько растерянным:

— Если ты не примешь это, я всегда буду чувствовать себя плохо.

Это поставило Линь Цинцин в трудное положение. В конце концов, немного странно принимать цветы от мужчины. С другой стороны, было также немного неловко сказать «нет», так как люди на улице были немного любопытны и не сводили с них глаз.

Линь Цинцин поколебалась, но потом услышала, как маленькая булочка рядом с ней сказал:

— Дядя, моя мама замужем, поэтому она может принимать цветы только от моего отца, а не от других мужчин. Даже такой ребенок, как я, знает это. Дядя уже такой большой, а все еще не понимаешь? Дядя, если ты хочешь извиниться за тетю Вэньцянь, то можешь купить что-нибудь еще.

Уголки рта Лу Сююаня дрогнули, и он сказал с сухой улыбкой, словно придя в себя:

— Сяо Юань прав. Посмотри, как я сглупил. Хорошо, тогда я приготовлю тебе подарок в другой раз.

Она уже собиралась отказаться, когда услышала позади себя низкий и глубокий мужской голос:

— Ты слишком вежлив.

Когда они обернулись, то увидели неподалеку И Цзэяня. Сегодня он был одет в длинный темно-зеленый военный плащ поверх прямого серого костюма. Он шел медленно, высокий и прямой, держа руки в карманах и обладая выдающимся темпераментом. Его кожаные ботинки с отчетливым звуком ступали по каменным плитам. Несмотря на то, что его шаги были медленными и не спешными, они все еще могли заставить людей чувствовать, как невидимое давление окружало их.

— Но, если ты настаиваешь на том, чтобы отдать его, я возьму его от имени Цинцин, — он вышел вперед, улыбнулся и сказал это Лу Сююаню.

Лу Сююань тоже улыбнулся и сказал:

— Тогда я приму это предложение. Я пришлю подарок через несколько дней, — сказав это, он повернулся и ушел.

— Почему ты здесь? — спросила Линь Цинцин. Он должен был быть очень занят, если что-то случилось с винодельней.

— Утром я был занят, но потом пришел к вам, когда услышал, что вы здесь.

И Цзэянь мягко улыбнулся, и Линь Цинцин словно приросла к месту. Она всегда чувствовала, что у И Цзэяня было другое отношение, когда он смотрел ей в глаза.

Это было действительно необъяснимо.

От его взгляда ей стало немного не по себе, и она невольно отвернулась.

— Тебе нужно, чтобы я был твоим проводником?

Прежде чем Линь Цинцин успела ответить, Сяо Юань кивнул, как цыпленок, и сказал:

— Да!

Отношение сына было настолько ясным, что Линь Цинцин не могла пойти на попятную. Конечно она не хотела портить ему удовольствие, поэтому просто кивнула.

На улицах старого города было чисто и тихо. Он был окружен старинными домами, в то время как звуки игры эрху эхом отдавались поблизости, делая улицу более элегантной и тихой. Семья шла бок о бок, и все трое иногда вставляли одно-два слова.

П.п.: эрху — китайская скрипка.

— Почему ты не приняла цветы от Лу Сююаня? Разве не все девушки любят цветы? — небрежно спросил И Цзэянь.

Линь Цинцин не знала, показалось ли ей это, но, хотя И Цзэянь всегда спрашивал небрежно, она чувствовала, что за этим стоит более глубокий смысл.

Она подумала о том, что только что сказал Сяо Юань. На самом деле она думала точно так же. Она уже была его женой. В своей жизни она будет принимать цветы только от него. Цветы от других мужчин двусмысленны и неуместны.

Но это было нелегко сказать.

Линь Цинцин подумала и сказала:

— В этом не было необходимости, да и не произошло ничего особенного.

И Цзэянь больше не спрашивал.

В данный момент они втроем добрались до более оживленного места. Впереди они увидели девушку, которая стояла на улице и пела, окруженная толпой зрителей.

У нее была прическа профессиональной певицы с короткими волосами сбоку, длинными волосами на спине и густой челкой. Ее лицо было покрыто толстым макияжем, и дополнено фирменной кроваво-красной помадой. На ней были коричневые контактные линзы и кольцо в носу. В общем, она выглядела современно, но была одета в черное платье, что делало ее немного похожей на древнюю женщину-убийцу.

Она поставила у ног музыкальный центр, держала в руке гитару, микрофон свисал с уха. Микрофон не очень хорошо работал, и ее песня сопровождалась шуршащим звуком.

Но даже при том, что она была одета так странно и звук был не из лучших, ее вокал был волшебным и очаровательным, как сокровище, скрытое за горой. И она излучала свет, который ярко сиял в горах и привлекал всех, кто видел ее.

И Линь Цинцин также была одним из тех людей, которых она привлекала. Певица хорошо разбиралась в технических деталях, и ее высокий голос был очень проникновенным. Когда она

отчаянно бренчала на гитаре и пела, Линь Цинцин чувствовала, как ее душа была пленена ею, и вместе с этим пришло несколько пронзительное и приятное ощущение.

Ее пение вскоре подошло к концу, но Линь Цинцин все еще долго не могла прийти в себя. Она увидела, как девушка упаковала свою звуковую систему и готова была уйти. Запаниковав, Линь Цинцин бросилась догонять ее. Она была немного взволнована, отчего ее речь стала бессвязной:

— Это… Ты очень хорошо поешь.

Девочка окинула ее взглядом с непроницаемым лицом и лишь холодно сказала:

— Спасибо.

Она обошла ее вокруг и полностью проигнорировала. Линь Цинцин нисколько не расстроилась и поспешно погналась за ней снова:

— Эм, я не уверена, что тебе будет интересно, но я хотела бы пригласить тебя присоединиться к моей студии.

Девушка наконец остановилась, обернулась и небрежно оглядела ее сверху донизу. Затем, все еще сохраняя бесстрастное выражение лица, она спросила:

— Какая студия?

— Эхххх… то есть… Моя студия официально еще не зарегистрирована, — Линь Цинцин неловко коснулась своего носа. — Однако, скоро будет официальное открытие. Ты будешь первым человеком в моей студии и ветераном высшего уровня. Это, безусловно, принесет тебе пользу, когда студия откроется в будущем.

— Мощенница! Отойди от меня!

— …

Она схватила свою звуковую систему и без колебаний замахнулась на нее. Линь Цинцин не хотела сдаваться и крикнула ей в спину:

— Я не мошенница! У меня действительно есть студия. В Бэйчэне у меня действительно есть студия! В северном городе… новый район северного города, центральная южная дорога Гуйюань, здание В, 1028. Приходи ко мне, когда ты подумаешь об этом!

Девушка ушла далеко, и Линь Цинцин не знала, слышит ли она ее.

Она была немного расстроена. Пение девушки действительно потрясло ее. И Цзэянь дал ей студию, и она не хотела сдаваться. Она планировала официально запустить ее, когда стекло в студии будет заменено. Поэтому, когда она вдруг встретила кого-то, кто мог так хорошо петь, естественно, она хотела подписать с ней контракт. Увы, ее приняли за мошенницу.

Фигура девушки исчезла в толпе, и Линь Цинцин не знала, увидит ли ее снова. Девушка уже решила, что она лгунья, даже не слушая ее объяснений, это настолько неразумно.

Как раз в тот момент, когда Линь Цинцин подумала, что все потеряно, она почувствовала тепло на своей ладони. Посмотрев вниз, она увидела, что Сяо Юань держит ее за руку. Его рука была нежной и мягкой, и он поднял свою маленькую головку. Его нежное лицо было прекрасным, словно блестящий рисовый шарик. Не просто блестящий, а восхитительно милый, потому что он улыбнулся ей. И какая это была ослепительная улыбка!

— Мама, не волнуйся. Если эта тетя не хочет сотрудничать с тобой, тогда я буду сотрудничать с тобой вместо этого, хорошо? Я тоже умею петь.

Это было странно. Хотя сын Линь Цинцин был еще так мал, она всегда чувствовала, что он ее балует. Она присела на корточки, погладила его по голове и пухлому лицу, потом поцеловала в лоб. И сразу же все потери, которые она чувствовала, были сметены прочь.

Это было преимуществом иметь мягкого и милого сына. Он обеспечил столь необходимый исцеляющий эффект.

Пока вы были с ним, даже если бы вы были в плохом настроении, оно тут же исчезло бы прочь.

Маленькая булочка был счастлив и смеялся, но ему все еще было немного неловко, когда его целовала мать. Он растрепал ладонью волосы, и потерся красным лицом о ее плечо.

— Тебе нужна моя помощь в вербовке людей?

Линь Цинцин подняла голову и увидела, что в глазах И Цзэяня светится улыбка. С выражением нежности на лице он, казалось, был счастлив видеть, как мать и сын целуются и любят друг друга.

Она сказала:

— Нет, ты мне очень помог. В будущем я хочу идти своим путем, — вспомнив слова девушки, она спросила его с некоторым колебанием: — Но разве я похожа на мошенницу?

И Цзэянь улыбнулся и покачал головой:

— Нет, —он помолчал немного, а затем добавил: — Такого милого мошенника не существует.

Линь Цинцин: «…»

Он говорил так откровенно и естественно, как будто констатировал факт. Однако лицо Линь Цинцин начало пылать, когда она услышала это.

Как ни в чем не бывало она взяла Сяо Юаня за руку и сказала:

— Давайте вернемся.

Все трое вернулись на прежнюю дорогу: Линь Цинцин посередине, высокий И Цзэянь справа и, наконец, маленькая булочка слева. Все трое шли бок о бок и некоторое время молчали. Дома с обеих сторон были низкими и построены в стиле династии Хань. Асфальтовая дорога была пропитана водой, и по обеим ее сторонам рос мох. Вокруг них было тихо и красиво, как будто все люди, которые их окружали, исчезли, и они трое были единственными людьми в этом мире.

Линь Цинцин испытала необъяснимое чувство удовлетворения, и она чувствовала, что такая жизнь кажется хорошей.

Проходя мимо выхода из древней улицы, Сяо Юань посмотрел на магазин жареных кроличьих ножек и подсознательно остановился. Он посмотрел на кроличью ножку и облизнул губы. Линь Цинцин увидела, что ему действительно хочется попробовать. Она не могла этого вынести, поэтому посоветовалась с И Цзэянем:

— Ты можешь купить Сяо Юаню кроличью ножку? Купить для него одну только на этот раз?

И Цзэянь посмотрел на их лица. Оба лица, были несколько похожи друг на друга, и они смотрели на него с одинаковым выражением нетерпения.

И Цзэянь почувствовал себя проигравшим этим двум милым просящим лицам. По его принципу, детям не разрешалось есть такую еду, до того, как выпали молочные зубы.

Но теперь…

«Хорошо. Надо просто купить ему это. Пусть ест.»

И Цзэянь кивнул и согласился, и Линь Цинцин немедленно пошла покупать две кроличьи ножки, одну для нее и одну для маленькой булочки.

За пределами древней улицы была огромная площадь с большим количеством людей. Там были старики, занимающиеся тайцзи, и еще одна группа людей, собравшихся вокруг, чтобы поиграть в шахматы.

Сяо Юань указал на скопление людей и сказал:

— Мама, ты чего-нибудь хочешь? Папа может выиграть тебе все, что ты захочешь.

Там был игровой киоск, где можно было выиграть призы, стреляя по воздушным шарам из игрушечных пистолетов. Линь Цинцин вспомнила, как однажды маленькая булочка сказал ей, что его отец хорошо стреляет.

— Тебе что-нибудь нужно? — И Цзэянь повернулся, чтобы спросить ее.

Линь Цинцин увидела серого медведя с розовым бантом на шее. Это было очень мило. Она указала на него и сказала:

— Я хочу вот это.

Семья из трех человек отправилась туда, и Линь Цинцин обнаружила, что медведя достать труднее всего. Вы должны были взорвать 35 воздушных шаров за один раз, чтобы получить его.

Она даже немного беспокоилась, не слишком ли это трудно для И Цзэяня, но он, казалось, не воспринимал это слишком серьезно. Он купил 35 патронов, вставил их в игрушечный пистолет один за другим и встал вне предписанной линии. Затем, держа пистолет с чуть прищуренными глазами, он прицелился и...

«Бах!»

Он попал в один из шаров.

«Бах!»

Он взорвал шар еще раз.

Высокий и прямой, как сосна, с мужеством солдата, он умело поднял пистолет.

Даже без военной формы, Линь Цинцин могла представить, как бы он выглядел в ней, увидев его фотографию. Под серым небом она вдруг почувствовала, что И Цзэянь светился ярким цветом, который нельзя было игнорировать. Он был так ослепителен, что привлек ее внимание.

Один за другим, не было ни одного выстрела, который попал бы мимо, и шары, которые были поражены, взрывались друг за другом. Все это было так доблестно и лихо.

Молодой офицер, который хорошо стрелял, был достаточно храбр, чтобы убить врага на поле боя. Но он также мог и приготовить суп для своей жены и ребенка, когда снимал свой боевой костюм.

Внезапно она почувствовала, что этот человек был таким нежным и ласковым.

Эти две стороны были совершенно разные, но они сосуществовали в нем одновременно, создавая соблазнительное мужское очарование.

Она посмотрела на серьезное лицо мужчины и на мгновение была очарована.

Он был таким сексуальным, таким нежным.

В этот момент она почувствовала, что его очарование проникло в ее тело, будоража ее сердце. Внезапно у нее появился импульс.

Ей хотелось броситься к нему, обнять, прижать к себе и сделать с ним что-нибудь бесстыдное.

П.п.: Хаха. И мы думали, что у И Цзэяня все плохо. Теперь очередь Линь Цинцин, поддаваться своим порывам! (*∀`*) Сдастся ли она или подавит свои порывы?

П.р.: Я буду надеяться, что поддастся.

http://tl.rulate.ru/book/27647/1212327